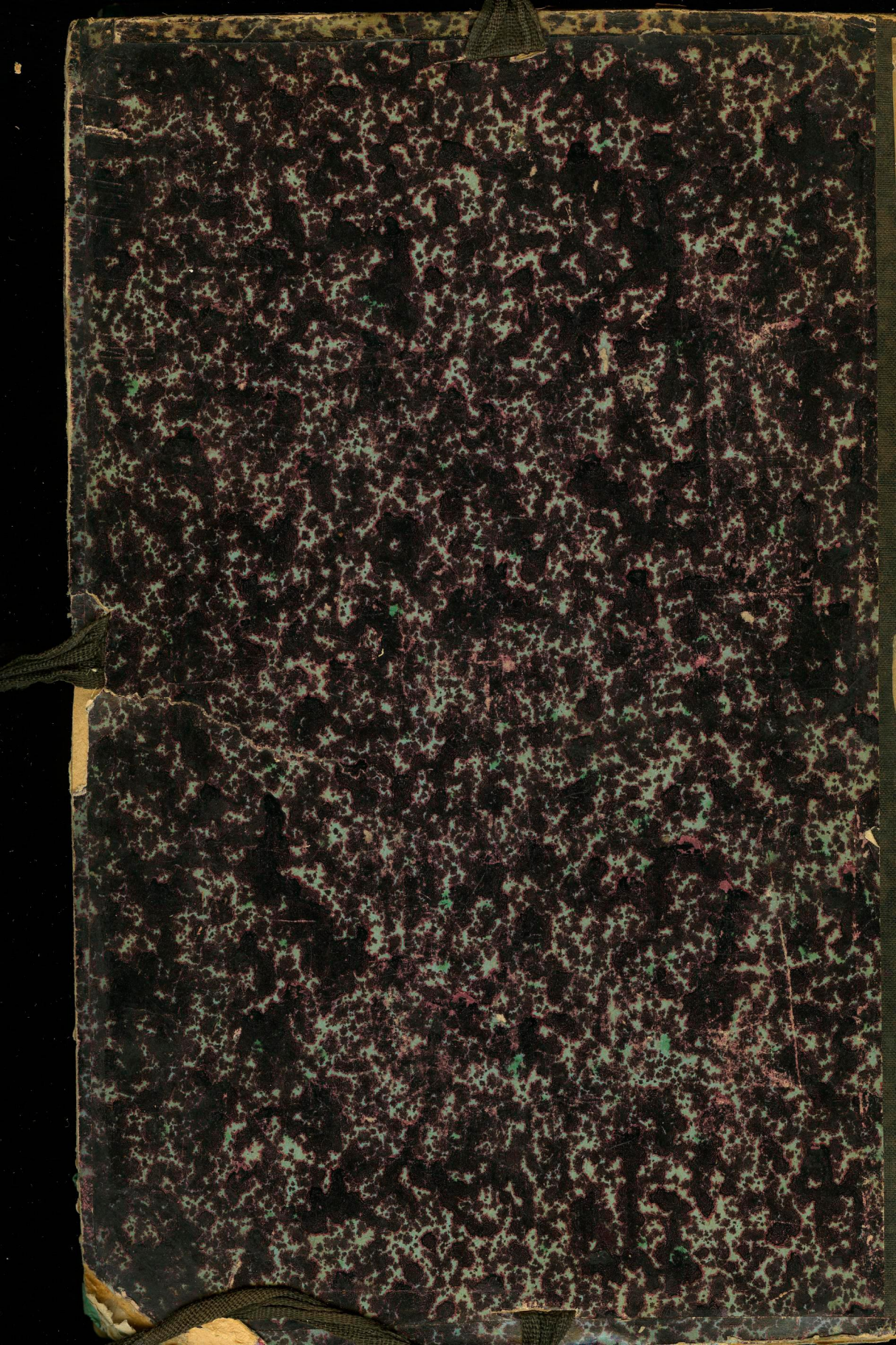

R-564

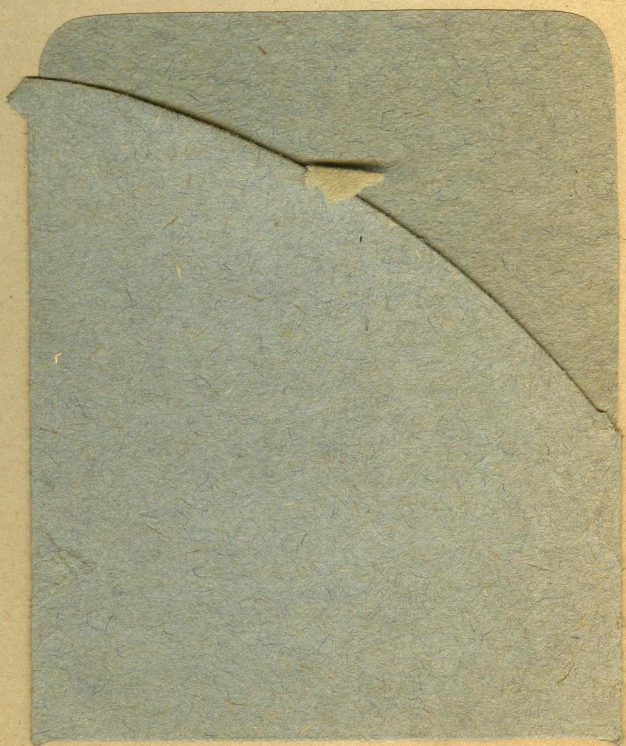
1868 B.I-V

20583

533
158. 4

Comm.
158.

Comm.

564 141/15 мая 24

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ,
ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ
ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВООБЩЕ—И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ,
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ ОСОБЕННОСТИ—И ПО СЛА-
ВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. ХОВАНСКИМЪ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

ВЫПУСКЪ I.

1868.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

59

СОДЕРЖАНИЕ I Выпуска.

ОБОЗРѢНІЕ ЗВѢРИНАГО ЭПОСА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ. Матеріалы для сравнительнаго изученія символики животныхъ.

Д. О. Шеппинга.

РАЗБОРЫ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ. (Двѣ пробныя лекціи по Рус. словесности.) П. Ода Ломоносова, выбранная изъ Гоа. (I лекція помѣщена въ VI вып. Ф. З. 1867.)

К. Г. Говорова.

ПРАЗДНОВАНИЕ ВЪ ВОРОНЕЖѢ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ И. А. КРЫЛОВА 2 Февраля. Рѣчи, произнесенныя на этомъ торжествѣ В. О. Ковалевскимъ, Н. П. Рошупкинымъ, И. А. Ингеницкимъ и А. Ф. Сценурой.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

ОБЪ ИДЕАЛѢ ВЪ ИСКУССТВѢ. Новый рядъ чтеній Г. Тэна.

О ЗНАЧЕНИИ ЯЗЫКА ДЛЯ ЕСТЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ ЧЕЛОВѢКА. Краткое чтеніе Авг. Шлейхера, пр. Іенскаго университета. Переводъ едѣланъ самимъ авторомъ.

Редакція нужнымъ считаетъ сноса заявить своимъ подписчикамъ, что книжки журнала выходятъ безсрочными выпусками. Выпускомъ первой книжки ред. нѣсколько запоздала, но она надѣется въ продолженіе года выдать всѣ шесть выпусковъ.

140 $\frac{1}{2}$ 24

ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ ЗАПИСКИ, ЖУРНАЛЪ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИСЛѢДОВАНІЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ ВОПРОСОВЪ
ПО ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВООБЩЕ—И СРАВНИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ,
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ И ЛИТЕРАТУРѢ ВЪ ОСОБЕННОСТИ—И ПО СЛА-
ВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. Хованскимъ.

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.

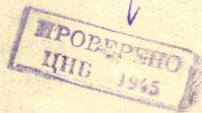
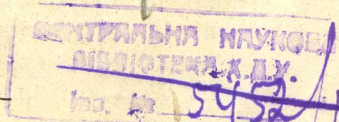
ВЫПУСКЪ I.

1868.

ВОРОНЕЖЪ.

Въ типографіи В. Гольдштейна.

№ 10

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

Дозволено Ценсурой. Москва. 3 Апрѣля 1868 г.

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

1868

~~1868~~

ВЪВЕДЕНІЕ

ВЪВЕДЕНІЕ

140

II

ОВЪ ИЗДАНИИ
„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“
ВЪ 1868 ГОДУ.

Читателямъ «Филологическихъ Записокъ» извѣстны цѣль и направленіе нашего журнала; онъ и въ 1868 году будетъ издаваться по той же программѣ. Для тѣхъ же, кто не знакомъ съ нашимъ изданіемъ, скажемъ, что оно посвящено ученымъ изслѣдованіямъ и разработкѣ разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности, изученію Славянскихъ нарѣчій и вообще сравнительному языкознанію, старинѣ и народности. Слѣдить за современнымъ движеніемъ науки языкознанія у насъ и на Западѣ и тѣмъ доставлять пособіе преподавателямъ—главная и единственная цѣль нашего изданія. Недостатокъ особыхъ изслѣдованій по языку, какъ пособій, у насъ крайне ощутителенъ. Изданіемъ своимъ Редакція всегда имѣла въ виду пополнять, по возможности, эти пробѣлы; на сколько она успѣла въ этомъ, предоставляемъ судить читателямъ. Въ настоящее время Редакція разработала программу на предметъ составленія «Христоматіи» для практическихъ занятій Русскимъ языкомъ и почтетъ себя счастливою, если ей удастся издать это пособіе.

Не будемъ перечислять всего напечатаннаго нами, укажемъ только на переводы сочиненій, которые напечатаны и печатаются въ Ф. З., именно—Гейзе, «Система Языковѣдѣнія,» — Ренана, «О происхожденіи языка,» —

II.

Ригера, «Обзоръ Исторіи Чешской литературы и языка», — Макса Мюллера, «Наука о языкѣ», — Шлейхера, «Сравнительная Грамматика Индо-Европейскихъ языковъ». Нѣтъ надобности говорить, на сколько могутъ расширить взглядъ каждаго преподавателя, особенно уѣзднаго училища, одни эти капитальныя сочиненія, на сколько освѣжать и обогащать его умственный запасъ и разомъ двинуть его впередъ, особенно «Лекціи» Макса Мюллера, этого авторитета науки.

Намъ кажется, съ подобнаго рода сочиненіями каждому любителю роднаго слова, а тѣмъ болѣе преподавателю, и особенно готовящемуся къ педагогической дѣятельности, непростительно не познакомиться, да и едва ли можно обойтись безъ нихъ.

Въ настоящемъ году печатается въ переводѣ А. Чудинова сочиненіе Тэна, «Философія Искусства», съ приложеніемъ «О значеніи искусства въ общей системѣ воспитанія» и «О сущности и значеніи исторіи литературы». Сочиненіе это вообще важно для болѣе здраваго, глубокаго и живаго пониманія художественныхъ произведеній всѣхъ родовъ изящныхъ искусствъ, — оно имѣетъ воспитательный характеръ, а потому вполне можетъ содѣйствовать направленію молодыхъ талантовъ. Своимъ увлекательнымъ изложеніемъ объ искусствѣ авторъ невольно вызываетъ наши духовныя силы и, приковывая наше вниманіе къ процессу произведеній великихъ художниковъ, и возбуждая подражаніе имъ, глубже заставляетъ изучать жизнь человѣка и природу во всѣхъ ея проявленіяхъ. (Переводъ явится отдѣльными брошюрами.)

Редакція употребляетъ всѣ усилія, чтобы выполнять свою задачу все болѣе и болѣе; объ одномъ только проситъ всѣхъ и каждаго, кому дорого родное слово, дорога наука и искусство, — поддержать наше изданіе выпискою онаго и оказать свое просвѣщенное содѣйствіе къ расположенію и другихъ къ тому же.

Цѣна годовому изданію 6 рублей, но для учителей уѣздныхъ училищъ и школъ дѣлается уступ-

III.

ка на 1 р., равно и для тѣхъ, кто приобрѣтетъ намъ хотя одного новаго подписчика.

Филологическія Записки издаются въ ВОРОНЕЖѢ; выходятъ выпусками, — **6** выпусковъ въ годъ.

Въ Редакціи **Филологическихъ Записокъ** имѣются слѣдующія изданія:

Годовое изданіе «**Филологическихъ Записокъ**» за 1862—1863 и 1864 годы. Цѣна за каждый годъ по **6** р. за 1865 г. **3**, за 1866 г. **5** руб. за 1867 г. **6** р.

Опытъ Элементарнаго Руководства при изученіи Русскаго языка практическимъ способомъ — **Элементарная Грамматика. КУРСЪ 1-й и 2-й.** К. Говорова. 1867. 5-е, исправленное изданіе. Цѣна за экз. 50 к. сер.

3-й Курсъ Элементарной Грамматики — Синтаксисъ. К. Говорова. 1867. 4-е, исправленное изданіе. Цѣна 50 коп. Вѣсовыя по разстоянію.

Система Языковѣдѣнія, Гейзе. Часть I. Перев. съ нѣм. И. Желтова. 1864. Цѣна за экз. 2 руб. съ перес.

О Юморѣ въ сравненіи съ Сатирой, Н. Попова. 1864. Цѣна 30 к. за экз. съ пересылкою.

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Перев. съ фр. А. Н. Чудинова. 1866. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Краткое Руководство къ изученію прозаическихъ сочиненій, М. Θ. де-Пуле. 1866 г. Цѣна 50 к. Вѣсовыя по разстоянію.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Ц. 40 к. съ пересылкою.

Получать можно

въ ВОРОНЕЖѢ: въ Редакціи Филологическихъ Записокъ, также въ книжныхъ магазинахъ — Никитина, Семенова и Кашкиной;

IV.

въ С.-ПЕТЕРБУРГѢ: въ книжныхъ магазинахъ —
И. И. Глазунова, Я. А. Исакова и М. О. Вольфа;

въ МОСКВѢ: въ книжныхъ магазинахъ—О. И. Са-
лаева, А. И. Глазунова, И. Г. Соловьева и И. И. Коль-
чугина;

въ ХАРЬКОВѢ: въ книжныхъ магазинахъ—Ионина
и К^о и А. П. Скалона;

въ КАЗАНИ: въ книжномъ магаз. А. А. Дубровина.

въ ОДЕССѢ: въ книжномъ магазинѣ Г. И. Бѣлаго.

Издатель и Редакторъ **А. Хованскій.**

Дозволено Ценсурой. Москва. 15 Ноября 1867 г.

ОБОЗРѢНІЕ ЗВѢРИНАГО ЭПОСА ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ СРАВНИТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ РУС- СКОЙ СИМВОЛИКИ ЖИВОТНЫХЪ.

Звѣри, по своему инстинкту и привычкамъ, по крику, бѣгу или полѣту птицъ, искони служили человѣку символическими выраженіями какъ различныхъ явленій внѣшней природы, такъ и собственной его духовной жизни, его страстей, пороковъ и добродѣтелей. — Древній человѣкъ смотрѣлъ совершенно иными глазами на окружающую его природу: онъ видѣлъ повсюду таинственное и сверхъестественное, вотъ почему и животныя являлись ему то инкарнаціями самихъ божествъ, то исполнителями ихъ божественной воли. Свои познанія о земныхъ животныхъ перенесъ онъ въ своемъ воображеніи и на небесныя, и атмосферическія явленія: такъ свистъ вѣтра, шумъ грома, сверканіе молніи, тучи, застилающія отъ него лучи солнца, падающій снѣгъ и дождь — объяснялъ онъ крикомъ, бѣгомъ и борьбою между собой различныхъ небесныхъ звѣрей, птицъ и огненныхъ змѣевъ. Точно также и внутренній міръ своихъ чувствъ и мыслей онъ, въ аллегорическомъ сравненіи съ извѣстными ему животными, сталъ обозначать ихъ именами и переносить на самого себя эти качества и имена. До сихъ поръ у насъ множество именъ и про-

звищъ народовъ, городовъ и знатныхъ фамилій основаны на подобныхъ сравненіяхъ. Такъ читаемъ мы въ рукописи XIII вѣка (приложеніе къ Слав. Древн. Шафарика), «Зде како суть части языкомъ и котори есть.

Фрягъ есть лавъ. аламанинъ—орелъ. саракіинъ вепрь. турчанинъ—змія. роумъ—видра, литванъ—тоуръ, и пр. и многія животныя въ нашихъ новѣйшихъ языкахъ служатъ до сихъ поръ нѣжной лаской и похвалой, или грубой бранью.

Съ исчезновеніемъ мифической символики и религиознаго зооморфизма, животныя получили въ новѣйшія христіанскія времена новый, болѣе гражданскій смыслъ сатиръ надъ людскими страстями и пороками. Нѣтъ почти сомнѣнія, что первоначальная ткань, послужившая основаніемъ всѣхъ звѣриныхъ басенъ и сказокъ, восходитъ въ самыя древнѣйшія времена, чисто-мифическихъ преданій, и что даже Эзопу принадлежитъ только честь первой литературной обработки этихъ древнѣйшихъ сказаній,—обработки, придавшей имъ новую ихъ форму сатирическаго разсказа съ цѣлью моральнаго наученія. Прямымъ доказательствомъ подобнаго предположенія служить уже и то, что тѣ же мотивы, которые послужили Эзопу для составленія его басенъ, сохранились до сихъ поръ и у насъ на Руси въ первобытной ихъ формѣ, чисто-народной дѣтской сказки, когда въ Западной Европѣ, уже въ XII вѣкѣ, эти же самые мотивы образовали и породили полный звѣриный эпосъ. На стародавность самихъ преданій указываютъ въ Германскомъ эпосѣ многія изъ именъ дѣйствующихъ лицъ, (т. е. животныхъ), которыя, происходя постоянно отъ эпического прозвища, уже въ XII вѣкѣ отчасти утратили въ языкѣ свой первобытный смыслъ. Лучшимъ примѣромъ тому можетъ послужить имя главнаго героя этихъ поэмъ мудраго, но хитраго совѣтника — лисицы ¹⁾). Reinhard или Renard имѣетъ въ Готскомъ язы-

¹⁾ Замѣчательно, что лисица въ Санскритскомъ, Греческомъ, Литовскомъ и Славянскомъ постоянно женскаго рода, какъ будто намекается тѣмъ на животное, замѣняющее силу и энергію мужскаго пола женскими оружіями ловкости и хитрости.

къ прямое значеніе совѣтника отъ слова *Ragin* или *regin*—*consilium*, и еще въ X вѣкѣ совѣтники при судахъ въ Германіи носили имя *ragia*—бароновъ, а въ хартіяхъ VII и VIII вѣковъ встрѣчаются человѣческія собственныя имена: Рейнгардта, Реніера и Рено подѣ древнѣйшей ихъ формой *Reginehard*, *Ragenard*, т. е. совѣтникъ. Въ Германской поэзіи Рейнгартъ или Рейнеке осталось собственнымъ именемъ лисицы, героя звѣриной эпопеи, какъ волкъ прозывается въ ней Изегримомъ, а король Левъ именуется *Noble*, почему къ собственному имени Рейнеке постоянно прибавляется и объяснительное *Voss* или *fuchs*. — Во Франціи же имя героя этихъ народныхъ сказаній уже въ XIII вѣкѣ совершенно вытѣснило изъ языка древнѣйшее прозвище лисицы вообще, такъ что въ рифмованномъ Бестиаріи Вильгельма Норманскаго въ романѣ объ Александрѣ Македонскомъ (1184 г.) и въ *Fablieau de Prustebeuf* (1250) слово *Renard* вездѣ уже замѣняетъ древнее *goupil-vergil* или *coupil* (отъ латинск. *vulpes*). Мы не станемъ входить здѣсь въ разбирательство ученаго спора между Нѣмцами, Французами и Фламандцами, какому именно языку принадлежитъ честь древнѣйшей литературной обработки народныхъ преданій о Рейнгардтѣ и Изегримѣ. Англійскій король Ричардъ—Львиное сердце даетъ оба эти имена въ своихъ пѣсняхъ непріятелямъ и противникамъ христіанской вѣры. Наконецъ въ юго-Французской литературѣ Прованса попадаются также весьма рано эти имена, какъ намеки на извѣстныя преданія, хотя послѣднія никогда не были воснѣты труверами юга. Въ Германской хроникѣ VII вѣка Фредегара (Гримма *Reineke* pref. 48) встрѣчается первый отрывочный рассказъ про то, какъ лисица обвиняется передъ царскимъ судомъ за съѣденіе сердца оленя, и краснорѣчиво доказываетъ, что у оленя никогда и сердца не бывало. При этомъ замѣчательно, что царемъ въ этомъ рассказѣ является туземный медвѣдь, когда въ позднѣйшихъ произведеніяхъ онъ уступаетъ тронъ свой иноземному льву.

Гриммъ приводитъ Латинскій кодексъ 930 года, который состоитъ изъ двухъ эпизодовъ, вошедшихъ позднѣе

въ составъ полнаго эпоса: рассказъ о жалобѣ Изегримма на Рейнеке за безчестіе и повѣсти о болѣзни льва, котораго вылѣчиваетъ лисица. — Другой латинскій рассказъ XI вѣка, подъ заглавіемъ *Brunnelius* (собственное имя осла) или *Poenitentiarium* передаетъ намъ извѣстную басню объ исповѣди всѣхъ звѣрей и о казни бѣднаго осла, какъ наигрѣшнѣйшаго изъ всѣхъ. Къ XII вѣку относится и рассказъ о болѣзни льва — *Нобль*, писанный на Фламандскомъ языкѣ и первый Нѣмецкій текстъ, авторомъ котораго почитается Генрихъ Альзассскій или *Henri d'Alkmar*.

Къ XIII же вѣку относятся три главные эпоса: Латинскій *Reinardus-Vulpes*, Французскій — *Roman de Renard*, и юго-Нѣмецкій или Саксонскій — *Reineke-Voss*; англійскіе, шведскіе, датскіе и голландскіе переводы и переработки этихъ поэмъ принадлежатъ уже XIV вѣку. Съ ними одновременны и французскія подражанія первоначальнаго сочиненія, какъ *Couronnement du Renard*, *le Renard novel*, и *le Renard Contrefait* ²⁾. Кромѣ этихъ большихъ поэмъ, считающихъ каждая до 8000 и 10000 стиховъ, сохранилось въ Германіи множество мелкихъ рѣмованныхъ басенъ и рассказовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ *Beispiel* или *Spele* (т. е. бейшпиль — примѣръ), которые также зовутся иногда и *Stricke* отъ имени баснописца, жившаго въ Австріи около 1230 г. ³⁾.

Съ XV вѣкомъ исчезаетъ мало-по-малу какъ въ мелкихъ именахъ, такъ и въ пространнѣхъ эпопеяхъ ихъ древнѣйшій типическій характеръ народнаго преданія и сочиненія эти переходятъ въ сферу произвольной беллетристики той или другой авторской личности. Знакомство сочинителей съ *Федромъ* и *Эзопомъ* измѣняетъ форму мелкаго рассказа (примѣра) въ басню, въ новѣйшемъ общепринятомъ смыслѣ этого слова, съ поучительнымъ выво-

²⁾ О содержаніи и подробномъ описаніи этихъ различныхъ поэмъ о Ренардѣ см. *Les Romans du Renard examinés analysés et comparés* par Rothe, Paris 1843, и *Les Aventures de maitre Renard et d' Isengrin racontés pour la jeunesse* par Gaulin Paris, Парижъ 1861 г. Reinhard Fuchs Grimm 1834. Berlin.

³⁾ См. Goedeke, *Deut. Dicht. des Mittelalters*, Hanover 1854 часть I.

домъ баснописца—моралиста.—Съ другой стороны и въ пространныхъ подражаніяхъ звѣринаго эпоса тонкая народная сатира переходитъ, если можно такъ выразиться, въ грубую каррикатуру, переполненную аллегоріями и намеками на разныя личности и мѣстныя происшествія. Вообще личность сочинителя съ его пристрастіями и предубѣжденіями все рѣзче и рѣзче выдвигается на первый планъ, подчиняя самый разсказъ своей авторской цѣли и задней мысли. Такимъ образомъ, не только древнѣйшее преданіе замѣняется новыми выдумками, но и самые типы звѣрей—героевъ этихъ поэмъ искажаются подъ гнѣтомъ вліяющей надъ ними личности сочинителя.

Въ древнѣйшей поэмѣ XII вѣка, напротивъ, типическій признакъ ея народной самобытности состоитъ именно въ отсутствіи всякаго авторскаго вмѣшательства и въ изумительной выдержкѣ вѣрности свойствъ и наклонностей животныхъ, съ приписываемыми имъ дѣйствіями и характеромъ природы и жизни человѣческой. *Roman de Renard* не только сатира надъ нравами и обычаями своего времени, но и громкій протестъ противъ всего общественнаго и государственнаго устройства средневѣковой жизни.—Естественно, что въ эпоху, когда царствовало повсюду одно только право силы (право кулака), хитрость (не лишенная иногда даже и подлости) прославлялась народною поэзіею какъ великая мудрость и единственное спасеніе отъ угнетенія сильныхъ міра сего. Вотъ почему лисица, не смотря на всѣ ея пороки и проказы, является первымъ и налюбимѣйшимъ героемъ той эпохи, единственно потому, что своею хитростію умѣетъ вывертываться изъ бѣды. Отсутствіе всякой совѣсти и справедливости въ судахъ извиняетъ эти средства чувствомъ личнаго самосохраненія и даже судъ царскаго льва является, въ народномъ сознаніи, не охранительной силой права, но скорѣе стѣснительной формальностью и сущей бѣдой, для избавленія которой всѣ средства хороши и похвальны. Въ особенности выгодно выступаетъ въ народной поэзіи личность Рейнеке, въ сравненіи съ ея товарищемъ и постояннымъ спутникомъ лисицы волкомъ Изегриммомъ.

Изеграммъ, какъ представитель дикой силы, иногда страшенъ даже для лисицы въ минуты его гнѣва, но онъ старъ и глупъ, и, пользуясь его жадностію, лисица вертитъ имъ по-своему, причемъ нерѣдко, съ природной ему неловкостію и неуклюжестью, злосчастный Изеграммъ попадаетъ въ просакъ тамъ, гдѣ его молодой и ловкій товарищъ умѣетъ бѣгствомъ или хитростію улизнуть или оправдаться.

Рейнеке, какъ антитезисъ сѣдаго Изеграмма, представляется всегда молодымъ, красивымъ, ловкимъ и любезнымъ кавалеромъ; онъ весьма счастливъ въ любовныхъ дѣлахъ, и сама царица львица къ нему равнодушна. Всѣ звѣри (а иногда даже и люди) прибѣгаютъ къ его совѣтамъ и посредничеству въ разрѣшеніи запутанныхъ споровъ, и всѣми громко восхваляется его мудрость и находчивость въ подобныхъ дѣлахъ; и даже наконецъ утонченная жадность лисы рѣзко отличается отъ грубой прожорливости стараго волка. Однимъ словомъ, народное сочувствіе не покидаетъ лису даже въ самыхъ гнусныхъ ея продѣлкахъ, именно отъ того, можетъ быть, что типъ этой личности чисто-народнаго происхожденія, а грѣхи и пороки ея падаютъ всею своею тяжестію на жизненную обстановку той эпохи. Вотъ почему по одной французской легендѣ о происхожденіи всѣхъ животныхъ ⁴⁾ лиса считается въ числѣ чистыхъ и добрыхъ звѣрей: Адаму и Евѣ, по изгнаніи ихъ изъ рая, Богъ далъ жезлъ, и приказалъ бить имъ по морю; при каждомъ ударѣ Адама, рождался звѣрь, полезный человѣку, или домашнее животное; по каждому удару Евы рождался звѣрь дикій и кровожадный; волкъ произошелъ отъ перваго удара Евы; лисица, напротивъ, сотворена Адамомъ.

Наша Русская народная поэзія не оставила намъ пространныхъ эпоей о жизни животныхъ ⁵⁾, и мы въ

⁴⁾ Le Roman du Renard traduit du Flamand par Willens edité par Octave Delapierre, Парижъ (безъ года изданіе) стр. 57.

⁵⁾ Исключеніе могли-бы въ этомъ отношеніи составлять стихотворныя сказки о Ершѣ Ершовичѣ, сынѣ Щетининѣ, напоминающемъ своимъ сатирическимъ характеромъ звѣриный эпосъ западной Европы, съ тою разницею,

этомъ отношеніи можемъ только указать на отрывочныя сказки и прибаутки, иногда рифмованныя, но большею частію въ прозѣ. Тѣмъ не менѣе чрезвычайно знаменательно, что эти немногіе рассказы, и по содержанію своему и по общимъ типическимъ характеристикамъ участвующихъ въ нихъ звѣрей, въ особенности волка и лисы, совершенно сходны съ поэмой западной литературы. Такъ напримѣръ: рассказъ о томъ, какъ лиса, притворившись мертвой, заставила поднять себя мужику, который везъ рыбу на возу; мужикъ положилъ ее на возъ, она по дорогѣ разбросала рыбу и сама ушла; волкъ проситъ у нея рыбы, а она ему отвѣчаетъ: самъ налови. До этихъ поръ рассказъ совершенно тождественъ съ однимъ изъ приключеній Maitre Renard, только по французскому преданію волкъ тоже ложится на дорогу передъ проѣздомъ мужика съ рыбой, но мужичокъ, вмѣсто того, чтобы положить его на возъ, избиваетъ его почти до смерти. Когда, подъ вліяніемъ нашего сѣвернаго климата, русская лиса научаетъ волка опустить хвостъ въ прорубь, чтобы наловить имъ рыбы, хвостъ конечно примерзаетъ; утромъ прибѣгаетъ народъ и ну—колотить волка. По другой нашей сказкѣ, лиса, завидя на деревѣ пѣтушка, зоветъ его къ себѣ исповѣдываться въ своихъ многочисленныхъ грѣхахъ, обѣщая ему заранѣе отпущеніе оныхъ. Въ поэмахъ западной Европы этотъ случай осмысляется тѣмъ, что Ренардъ, послѣ многихъ проказъ, пошелъ въ монахи и какъ монахъ сталъ исповѣдывать пѣтуха по-своему, то пѣтухъ вырвался изъ его когтей и явился съ жалобой на Рейноке передъ царскимъ судомъ короля Льва.

Другую отрасль рифмованныхъ рассказовъ и мнимочуждыхъ свѣдѣній о различныхъ животныхъ составляютъ, такъ называемые bestiarii или физиологи, имѣвшіе въ древніе вѣка большой литературный успѣхъ (въ особенности во Франціи) и значительное вліяніе на изящныя

что здѣсь дѣло идетъ о рыбахъ, между которыми Ершъ разыгрываетъ роль хитрой лисицы, если бы эта сказка не носила на себѣ явные признаки позднѣйшаго литературнаго сочиненія XVI или начала XVII вѣка. См. Пыпина, Очерки ист. старин. повѣстей и сказокъ, стр. 299.

искуства: зодчество, архитектуру, писаніе стеколъ (*vitraux*), нумизматику и геральдику всего запада. Древнѣйшія свѣдѣнія о животныхъ, собранныя Плиніемъ и Эліаномъ, при всей научной формѣ этихъ описаній, принадлежать скорѣе баснословному міру сказокъ и чудесъ, чѣмъ дѣйствительной зоологіи, какъ мы нынѣ привыкли понимать эту науку. Эти свѣдѣнія, перейдя на востокъ, подъ перомъ Византійскихъ писателей, еще болѣе красились всякой фантастической неестественностію, къ которой, быть можетъ, присовокупились и миѳическія преданія Индійскаго и Сирійскаго міра. Такими были, вѣроятно, первые, не дошедшіе до насъ опыты естественныхъ наукъ временъ язычества. Во времена же христіанства воспользовались этой баснословной зоологіей духовные писатели IV и V вѣковъ, примѣненіемъ этихъ разсказовъ о животныхъ къ ученіямъ и догматамъ церкви. Такимъ образомъ каждый звѣрь переходитъ въ символъ добродѣтели или порока и изъ этихъ описаній свойствъ и нравовъ животныхъ выводятся поучительныя наставленія набожнымъ читателямъ. Съ этой духовной и назидательной цѣлью писалъ свой фізіологъ Св. Евстафій. За нимъ послѣдовали, сколько намъ извѣстно, и Св. Епифаній и псевдо-Іеронимъ. Подобныя же описанія звѣрей должны встрѣчаться и въ сочиненіяхъ Климента Александрійскаго и Татіана, Византійскаго писателя V вѣка ⁶⁾. Въ Ватиканской бібліотекѣ хранится Еврейскій манускриптъ, подъ заглавіемъ Сирійскаго фізіолога, изданный въ прошломъ вѣкѣ Нѣмецкимъ оріенталистомъ Тихсеномъ ⁷⁾, и носящій явные признаки своего знакомства съ сочиненіями Плинія и съ Византійскими фізіологами. Первый Латинскій Бестиаріумъ приписывается Св. Амвросію Медиоланскому. Въ 1118 году, въ буллѣ папы Гелазія II, фізіологъ упоминается между еретическими отреченными книгами, чтеніе и распространеніе которыхъ благочестивымъ католикамъ запрещалось. Но эта булла осталась, по-видимому, безъ дѣйствія во Франціи, гдѣ Ла-

⁶⁾ *Melanges d'archeologie*, часть II стр. 88. (предисловіе къ фізіологу).

⁷⁾ *Tychsen Physiologus syrus* Rostock 1795.

тинскіе и Французскіе тексты бестиарій были уже весьма распространены въ VIII и X вѣкахъ. Съ XII же вѣка перешли эти фیزیологи въ область свѣтскихъ писателей и стали появляться въ риёмованныхъ разсказахъ Норманскаго трувера, *Phylippe de Thaün, Guillaume le Normand* и *Pierre le Picard*. Ричардъ Турневаль, канцлеръ Аміенскаго собора, воспользовался даже этими описаніями животныхъ, чтобы вмѣсто духовныхъ правоученій его предшественниковъ, выводить изъ примѣра животныхъ убѣдительныя доказательства тому, что все въ мірѣ сотворено для взаимной любви, и посвятилъ свой *bestiaire d'amour* той же-стокой красавицѣ, которую надѣялся, этой учёной болтовней, склонить къ своимъ влюбленнымъ просьбамъ, но жестокосердная дама тѣми же примѣрами изъ его бестиарія отказала ему въ своей любви⁸⁾. Недавно изданъ въ Лондонѣ риёмованный Бестиарій XII вѣка на Англо-Саксонскомъ языкѣ. Что же касается Германіи, то до сихъ поръ отыскано еще весьма мало рукописей по этой части и всѣ онѣ по содержанію своему сходятся на два фیزیолога: одинъ *Reda-umbe diu thier* (XI вѣка), состоящій изъ описанія 12 звѣрей, другой болѣе пространный (XII вѣка), изданный съ рисунками Вѣнской рукописи⁹⁾ г. Каріаномъ. Нельзя здѣсь не замѣтить, что всѣ эти Латинскіе, Французскіе и Нѣмецкіе Бестиаріи ссылаются постоянно на одинъ и тотъ-же фیزیологусъ, который, такимъ образомъ, является намъ собственнымъ именемъ сочинителя или сочиненія, изъ котораго всѣ эти послѣдователи почерпали большею частію одинакія свѣдѣнія. Аббатъ Kaie (*sahier*), (сочинитель большаго изслѣдованія о Бестиаріяхъ въ *Mélanges Archeologiques*) предполагаетъ, что этотъ фیزیологусъ никто иной какъ Татіанъ, Св. Евстафій, или во всякомъ случаѣ Византійскій писатель первыхъ вѣковъ нашей христіанской эры. Кромѣ Бестиарій, сохранилось еще отъ средневѣковой литературы много другихъ баснословныхъ разсказовъ и мнимо-ученыхъ описаній раз-

⁸⁾ Изданъ г. Гиппо въ Парижѣ въ 1860 году.

⁹⁾ Deut. Sprach—Denkmale von Karahan. Wien. 1846.

вутры (Wivre—ехидна, змѣй) фениксъ, хамелеонтъ, базил-
 кокъ или василискъ, извѣстный своимъ чарующимъ взгля-
 домъ и раждающійся отъ яйца, снесеннаго пѣтухомъ.
 Мирмелеоны, рожденные отъ брака льва съ муравьемъ
 (patrem habet facie leonis, mater autem formicae, pater
 carniū, legumen mater voras (Physiol. syrus). Разсказы-
 вается про единорога, что онъ при видѣ голой дѣвы дѣ-
 лается такъ смиренъ, что его ребенокъ можетъ схватить,
 не смотря на страшную силу его рога, которымъ срѣза-
 етъ самыя толстыя деревья. Каландрой зоветъ физиологъ
 бѣлую птицу, которую приносятъ къ одру больныхъ; если
 она повернется къ больному лицомъ, то онъ выздоровѣ-
 етъ, если же отвернется отъ него, то навѣрно умретъ.
 Китъ—Lacovia и Дельфинъ Serra Marina, какъ по име-
 намъ, такъ и по приписываемымъ имъ свойствамъ часто
 смѣшиваются съ змѣями (aspida aspis), а змѣй випера, въ
 свою очередь, сливается въ разсказахъ съ ящерицей, когда
 съ другой стороны, по Сирийскому физиологу, смѣшивает-
 ся съ Ихнеймономъ (Vipera—Ichneumone), извѣстнымъ
 врагомъ крокодила и всѣхъ змѣевъ вообще. Ихнеймонъ
 въ Бестиаріяхъ Латинскихъ, Французскихъ и Нѣмецкихъ
 носитъ имена hidris (hidre) ydris, ydrif или андріона ¹¹⁾.
 О немъ разсказывается, что онъ закапывается въ рѣчной
 иль и такимъ образомъ даетъ себя проглотить кроколи-
 лу, а потомъ прокусываетъ ему кишки и желудокъ и этимъ
 способомъ его умерщвляетъ.

Примѣненіе подобныхъ басенъ къ символамъ христі-
 анства кажется намъ здѣсь предметомъ второстепеннымъ,
 который явно не имѣетъ никакого особаго историческаго
 значенія, тѣмъ не менѣе приведемъ здѣсь нѣсколько при-
 мѣровъ этихъ сближеній для удовлетворенія любопытства
 читателей, незнакомыхъ съ самыми Бестиаріями. Такъ на-
 прим. Фениксъ своимъ возрожденіемъ олицетворяетъ вос-
 кресеніе Господне; поющій ночью соловей—это христіан-
 ская душа, которая во мракѣ грѣшной жизни ждетъ вос-
 хода солнца правды послѣдняго суда. Сова изображаетъ

¹¹⁾ Срав. Индрикъ—звѣря извѣстнаго народнаго стиха о Голубиной книгѣ.

Еврейскій народъ, видѣвшій свѣтъ правды и не зрящій его. Собака, прячущая пищу, которую она не въ состояніи съѣсть съ одного раза, представляетъ человѣка, идущаго на исповѣдь очистить себя отъ грѣховъ съ полнымъ убѣжденіемъ, что снова попадетъ въ тѣ же грѣхи. Единорогъ (какъ и многіе другіе звѣри) также изображаетъ самого Спасителя. Латинскій фізіологъ прямо говоритъ: *Sio (unicornium) est dominus noster, spiritalis unicornis descendens in uterum virginis per carnem ex ea, sumptam captus a Iudaeis morte crucis damnatus est. De quo David dicit (Ps. XXVIII, 6): Dilectus sicut filius unicornium.*

У насъ на Русскомъ языкѣ если и существовали фізіологи, то по крайней мѣрѣ до сихъ поръ они остаются намъ неизвѣстными; но баснословныя свѣдѣнія о нѣкоторыхъ животныхъ, разбросанныя въ азбуковникахъ, хронографахъ и книгахъ, такъ называемой отреченной литературы, тѣмъ не менѣе ясно указываютъ намъ на близкое знакомство нашихъ старинныхъ писателей съ сочиненіями одинаковаго содержанія съ Бестиаріями Запада. Въ связи съ подобными сочиненіями—заимствованная изъ Византіи символика христіанской живописи нашей церкви, перешедшая отчасти какъ въ народную нашу лубочную живопись, напримѣръ, представленіе райскихъ птицъ Сиринъ и Алконостъ (Сирена и Алкіонъ), такъ и въ Русскую народную поэзію, въ особенности религіозную, такъ называемыхъ стиховъ о Егоріѣ Храбромъ или Голубиной Книгѣ. Эти стихи хотя и приняли въ народѣ чисто-туземный характеръ древнѣйшихъ преданій космогоническаго міа времени язычества, носятъ, однако же, и явные признаки вліянія позднѣйшаго и чужеземнаго, измѣнившаго отчасти, съ водвореніемъ у насъ на Руси христіанства, и самое сказочное содержаніе этихъ пѣсенныхъ преданій. Прямое вліяніе на нашу народную поэзію и средневѣковую письменность имѣла и могла только имѣть литература Византійская, при посредничествѣ Болгарской; но изъ Византійской же литературы V и VI вѣковъ, затерянной нынѣ для науки, вышли и Бестиаріи Западной Европы. Сочиненія Татіана нынѣ уже не извѣстны, но въ нихъ Аббатъ

Каіе видитъ первоначальный источникъ всѣхъ фізіологовъ религіознаго содержанія Латинскаго міра. Въ этомъ отношеніи наши русскія свѣдѣнія ближе къ общему источнику; но они менѣе обработаны и скуднѣе латинскихъ, почему послѣднія могутъ во многомъ служить намъ родственными дополненіями звѣриной символики нашихъ туземныхъ легендъ и повѣрій.

Д. О. Шеппингъ.

РАЗБОРЫ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ ОБРАЗЦОВЪ.

(Двѣ провныя лекціи по русской словесности.)

II.

ОДА ЛОМОНОСОВА, ВЫБРАННАЯ ИЗЪ ЮВА.

Замѣтка о писателѣ оды.

Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ, сынъ крестьянина-рыбака, родился въ 1711 году, въ деревнѣ Денисовкѣ Архангельской губерніи. Съ молодыхъ лѣтъ еще пристрастился онъ къ ученію и ушелъ тайно отъ отца въ Москву, гдѣ поступилъ въ Законоспасское училище. Отсюда въ числѣ лучшихъ учениковъ вытребованъ былъ въ Петербургъ въ Академическую Гимназію и вскорѣ, для окончательнаго образованія, посланъ былъ правительствомъ за границу, въ Германію. По окончаніи тамъ наукъ и по возвращеніи въ Россію, онъ опредѣленъ былъ адъюнктомъ, а потомъ профессоромъ химіи и экспериментальной физики при Академіи Наукъ.

Ломоносовъ знаменитъ въ нашей литературѣ и какъ ученый, и какъ литераторъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова. Какъ ученый, онъ оставилъ много сочиненій по разнымъ отраслямъ наукъ: по химіи, металлургіи, физикѣ и исторіи; онъ первый составилъ собственно Русскую Грамматику, написалъ реторику и логику. Какъ литераторъ, онъ написалъ нѣсколько одъ, похвальныхъ словъ, двѣ трагедіи и одну поэму—Петріяду, которую впрочемъ не успѣлъ окончить. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ знаменитъ въ на-

шей литературѣ, какъ преобразователь литературнаго языка. До Ломоносова нашъ книжный языкъ представлялъ пеструю смѣсь словъ и формъ ц.-славянскихъ съ русскими. Кромѣ того въ XVII вѣкѣ и началѣ XVIII къ этой смѣси присоединилось еще множество словъ изъ Польскаго и другихъ западно-европейскихъ языковъ. Ломоносовъ во-первыхъ очистилъ нашъ книжный языкъ отъ наплыва иностранныхъ словъ; во-вторыхъ создалъ даже, въ извѣстной степени, различіе между Ц.-Славянскимъ и собственно Русскимъ языкомъ, въ слѣдствіе чего навсегда изгналъ изъ литературнаго языка ц.-славянскія формы склоненій и спряженій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ Ломоносовъ не создалъ еще намъ чисто-Русскаго литературнаго языка (чего по тогдашнему времени и обстоятельствамъ нельзя было и требовать и ожидать отъ него), не отдѣлилъ языка Русскаго совершенно отъ матеріала Ц.-Славянскаго языка, а напротивъ въ книжной рѣчи первый языкъ подчинилъ еще послѣднему. Слѣдуя правиламъ старинныхъ реторикъ и теорій словесности, Ломоносовъ думалъ, что высокій или низкій складъ рѣчи или слогъ, зависитъ не прямо отъ высоты или низкости мыслей или чувствъ, а прежде всего отъ подбора такихъ или другихъ словъ, и поэтомъ удѣлилъ слогъ на три рода: высокій, средний и низкій. Онъ полагалъ, что собственно русскія слова и выраженія годятся только для низкаго слога и отчасти (болѣе облагороженныя) для средняго; но какъ въ послѣднемъ, такъ особенно въ высокомъ слогѣ, по его мнѣнію, преимущественно должны господствовать слова и обороты ц.-славянскіе. Такимъ образомъ, собственно говоря, Ломоносовъ только началъ преобразованіе нашего литературнаго языка и, правду сказать, сдѣлалъ огромный шагъ въ этомъ дѣлѣ; но все же отъ него мы получили не чисто Русскій, а, въ извѣстномъ смыслѣ, Славяно-Русскій литературный языкъ; продолженіе и окончаніе этого великаго дѣла досталось уже на долю его преемниковъ, особенно Карамзина. Кромѣ того, при словѣ о литературномъ языкѣ Ломоносова, надобно еще замѣтить, что въ ученыхъ своихъ сочиненіяхъ онъ старался ввести въ нашъ литературный языкъ латино-нѣмецкое словорасположеніе, нисколько несвойственное русской рѣчи, т. е. онъ ставилъ слова управляемыя впереди управляющихъ, предложенія подчиненныя—впереди подчиняющихъ, и глаголы, управляющіе всюю рѣчью, относилъ на самый конецъ предложенія, или періода.

Какъ литераторъ, оказавши великія заслуги нашей литературѣ, Ломоносовъ вмѣстѣ съ этимъ и повредилъ ей, именно тѣмъ, что ввелъ въ нее, господствовавшее въ то время во всей Европѣ,

французское *ложноклассическое* направлѣніе, состоявшее въ подражаніи древнимъ греческимъ и римскимъ классикамъ,—не въ духѣ, а въ одной формѣ, въ однихъ внѣшнихъ приѣмахъ; объ этомъ направленіи мы будемъ еще имѣть случай говорить подробнѣе. Ломоносовъ умеръ въ 1765 году.

Ода написана четырехстопнымъ ямбомъ; стихи въ ней раздѣлены на строфы, изъ которыхъ каждая заключаетъ по 8-ми стиховъ. Стихи мужескіе и женскіе постоянно чередуются между собою. Всѣхъ строкъ въ одѣ 14-ть.

Порядокъ частныхъ мыслей въ одѣ слѣдующій: Ода начинается обращеніемъ къ ропщущему въ горѣ человѣку и указаніемъ ему на примѣръ Іова, съ которымъ бесѣдовалъ Богъ сквозь громовую тучу. Слѣдуетъ указаніе на различныя дѣла Божіи при миротвореніи: сначала на совокупность всѣхъ твореній, составляющихъ вселенную, на стройность ихъ,—потомъ на свѣтила небесныя въ отдѣльности, на солнце и луну. Далѣе слѣдуетъ переходъ къ землѣ, къ частнымъ явленіямъ на ней: обращается вниманіе на море и сушу, на явленія утра, дождя и вѣтра, на безконечное разнообразіе морскихъ животныхъ,—и къ мысли о безднѣ морской, сообразно съ понятіями древнихъ, здѣсь же представлена мысль объ адѣ. Далѣе слѣдуетъ указаніе на физическія воздушныя явленія, на тучи, громъ и молнію. Отъ этихъ явленій авторъ переходитъ къ воздушнымъ животнымъ, при чемъ обращаетъ исключительное вниманіе на одного орла, какъ царя этихъ животныхъ. Далѣе мысль автора переходитъ къ животнымъ, обитающимъ на сушѣ, и такимъ, которыя попеременно живутъ то на сушѣ, то въ водѣ; изъ числа первыхъ онъ упоминаетъ о бегемотѣ, а изъ рода вторыхъ—о крокодилѣ. Въ концѣ оды авторъ еще разъ обращаетъ вниманіе несчастнаго человѣка на «всю громаду свѣта» и на сотвореніе самого человѣка. Последняя строфа заключаетъ въ себѣ общій выводъ изъ всей оды.

Главная мысль, которая раскрывается во всѣхъ этихъ частныхъ мысляхъ оды, слѣдующая: всемогущество и премудрость Божія, открывающіяся въ видимыхъ твореніяхъ, непостижимы для человѣка. Эта мысль невольно должна привести каждого изъ насъ къ другой, близко подходящей къ ней мысли: точно также много недовѣдомаго должно быть для насъ и въ дѣйствіяхъ Промысла Божія, устрояющаго различныя обстоятельства нашей жизни. Отсюда само собою вытекаетъ слѣдующее заключеніе:

Сіе, о смертный, разсуждая,
Представь Зиждителю власть,
Святую волю почитая,
Имѣй свою въ терпѣнны часть.
Онъ все на пользу нашу строить,
Казнить кого, или покоить.
Въ надеждѣ тяготу сноси,
И безъ роптанія проси.

Объясненіе отдѣльныхъ словъ и выраженій въ одѣ.

О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!

Мѣстоимѣніе — что — у Ломоносова часто употребляется вмѣсто — который.

Эти два стиха составляютъ обращеніе къ тому лицу, съ которымъ авторъ намѣренъ бесѣдовать. Такія обращенія и воззванія, по правиламъ ложноклассической поэзіи, составляли непремѣнную принадлежность всякой оды и поэмы. Согласно съ обыкновеніемъ древнихъ классиковъ, правила той же поэзіи предписывали также дѣлать обращеніе къ музамъ и Аполлону съ просьбою о ниспосланіи вдохновенія и о настроеніи лиры, даже и къ тѣмъ лицамъ, которыхъ поэтъ собирался хвалить, чтобы и они помогли ему въ его дѣлѣ. Правила ложноклассической

поэзіи съ подробною точностью опредѣляли, изъ сколькихъ частей должна состоять ода, съ чего ее начинать и чѣмъ оканчивать. Она, на примѣръ, должна была имѣть приступъ, предложеніе, пареніе, или, такъ называемый, *лирическій безпорядокъ* и заключеніе. Въмѣсто естественнаго теченія чувствъ, ложноклассическая пѣтика требовала намѣреннаго разрыва ихъ, искусственныхъ переходовъ отъ одного предмета къ другому. Такіе переходы обыкновенно дѣлались при посредствѣ извѣстныхъ фигуръ — *вопрошенія* и *восклицанія*: «но что я зрю?» «Какое зрѣлище представило?» и т. под. Непремѣнною принадлежностью ложноклассическихъ сочиненій считалось также употребленіе въ нихъ различныхъ древнихъ мифологическихъ сказаній, украшеніе ихъ именами греческихъ боговъ и богинь, какіе только окажутся сколько-нибудь пригодными къ дѣлу. Въ разбираемой нами одѣ Ломоносова, конечно, этого не могло случиться, потому-что всѣ картины и мысли ея заимствованы изъ Св. Писанія. Но, въ примѣръ такой принадлежности ложноклассической оды, мы приведемъ нѣсколько стиховъ изъ другой его оды на восшествіе на престолъ Императрицы Елисаветы.

Въ поляхъ кровавыхъ *Марсъ* страшился,
Свой мечъ въ Петровыхъ зря рукахъ,
И съ трепетомъ *Нептунъ* чудился,
Взирая на Россійскій флагъ (*).....
И се *Минерва* ударяетъ
Въ верхи *Рифейски* копіемъ,
Сребро и золото истекаетъ
Во всемъ наслѣдіи твоемъ.
Плутонъ въ разсѣлинахъ мятется,
Что Россамъ въ руки предается
Драгой его металлъ изъ горъ (**).

(*) Въ этомъ видѣ выражена здѣсь та простая мысль, что Петръ непобѣдимъ былъ на сушѣ и на морѣ. Марсъ—богъ войны, Нептунъ—богъ морей.

(**) Здѣсь авторъ хотѣлъ выразить ту мысль, что горныя науки раскрываютъ богатства Россіи. Минерва—богиня наукъ. *Рифейскія* горы — полярныя холодныя горы.

Плачь Русскихъ по умершемъ Петрѣ Великомъ у Ломоносова сопровождается слѣдующими обстоятельствами:

Внушивъ рыданій нашихъ слухъ,
Верхи *Парнаски* возстенали,
И *музы* воплемъ провождали
Въ небесну дверь пресвѣтлый духъ и пр.

Греки дѣйствительно вѣрили во всѣхъ этихъ боговъ и богинь, — у нихъ на самомъ дѣлѣ были и Парнасъ и Олимпъ; слѣдовательно, съ именами и дѣйствіями всѣхъ такихъ предметовъ для нихъ связывались тѣ, или другія живыя представленія и живыя картины. Но какое значеніе могутъ имѣть для насъ, какъ и вообще для всѣхъ европейцевъ-христіанъ, всѣ эти боги и священные горы, которые или совсѣмъ намъ неизвѣстны, или въ существованіе которыхъ, по крайней мѣрѣ, мы нисколько не вѣримъ? Очевидно, что для насъ все это — мертвая буква. Мы, напримѣръ, не можемъ даже хорошо понять этихъ выраженій, какъ-то при смерти Петра Великаго «верхи Парнаски возстенали,» не можемъ представить себѣ, какъ «музы могли воплемъ провождать пресвѣтлый духъ Петра въ небесную дверь.» А не можемъ хорошо понять и представить себѣ этого собственно потому, что не вѣримъ ни въ какіе Парнаскіе верхи, ни въ существованіе какихъ-нибудь музъ. Вслѣдствіе всего сказаннаго нами о ложноклассической поэзіи, для насъ становится яснымъ, почему такого рода сочиненія, даже въ глазахъ современниковъ Ломоносова, отзывались всегда какою-то мертвенностію, натянутостію и высокопарностію, — вообще скучнымъ и тяжелымъ впечатлѣніемъ на читателя. Мертвенными они должны были казаться потому, что хотѣли навязывать воображенію нашему совершенно чуждыя для него представленія; натянутыми — потому, что, стараясь удовлетворять заранѣе установленнымъ формамъ, они нарочно и насильно должны были подбирать подъ эти формы различныя мысли и чувства; высокопарными потому, что, при недостаткѣ естественныхъ высокихъ чувствъ, или чаще всего при совершенномъ отсутствіи ихъ, они

по необходимости должны были замѣнять ихъ одними трескучими или надутыми фразами. Вотъ тутъ-то болѣе всего заказные поэты и старались выручаться богатымъ запасомъ мыслей и картинъ изъ древней мифологіи, безъ которой имъ и дѣлать было бы нечего. Всѣ приемы ложноклассической поэзіи ѣдко и мѣтко осмѣяны въ нашей литературѣ Димитріевымъ въ знаменитой его сатирѣ—«Чужой толкъ.» Смѣялись надъ ними и Крыловъ и Пушкинъ въ нѣкоторыхъ своихъ сочиненіяхъ. Крыловъ (въ повѣсти—Камбѣ) сравниваетъ похвальную оду съ толковымъ чулкомъ, который можно натянуть всякому на свою погу.

Внимай, коль въ ревности ужасно
Онъ къ Юву изъ тучи рекъ!

Ревностью мы называемъ сильный гнѣвъ, обращенный на человѣка, который отчуждаетъ отъ насъ, или унижаетъ въ глазахъ нашихъ, какой-нибудь любимый, или уважаемый нами личный предметъ. Въ приложеніи къ Богу это слово могло быть употреблено здѣсь потому, что предшествовавшія явленію Бога рѣчи и разсужденія, какъ самаго Юва, такъ и друзей его, особенно жены—дѣйствительно клонились къ тому, чтобы охладить любовь Юва къ Богу. *Рекъ*—славянизмъ; образовался изъ полной описательной формы славян. прошед. времени: *реклъ есть*.

Сквозь дождь, сквозь вихрь, сквозь градъ блистая...

Стеченіе многихъ односложныхъ (равно какъ и многосложныхъ) словъ составляетъ стилистическую погрѣшность противъ гладкости рѣчи, или слога. *Гласомъ*—славянизмъ; Русскій языкъ любитъ *полногласіе*, и потому произносить—*голосомъ*.

И такъ его на распрю звалъ.

Распря означаетъ иногда ссору и брань, но въ Славян. языкѣ часто употребляется и въ значеніи спора, или состязанія. Здѣсь оно употреблено именно въ этомъ послѣднемъ значеніи. Въ этой строфѣ заключается и всту-

плєніе и предложеніе оды. Предложеніе ея выражается именно этимъ послѣднимъ стихомъ: *и такъ его на рас-
прю звалъ.*

Чинъ—славянское слово, означаетъ порядокъ. *Сонмъ*—славянское слово, означаетъ собраніе, совокупность какихъ-нибудь предметовъ.

Безчисленны тмы—прилагательное усѣчено здѣсь единственно для соблюденія размѣра, хотя и напоминаетъ собою старославянскія короткія прилагательныя. Въ стихахъ Ломоносова и Державина такихъ прилагательныхъ встрѣчается очень много, у Крылова они ужь рѣдки, а у Пушкина и того рѣже. *Возжженныхъ*—это слово употреблено здѣсь въ смыслѣ—*освященныхъ*.

Въ обширности безмѣрныхъ мѣстъ...

Здѣсь есть логическое противорѣчіе: въ понятіяхъ о мѣстѣ и обширности необходимо заключается уже понятіе объ извѣстной ограниченности предмета, — между тѣмъ какъ понятіе—*безмѣрный*—совершенно уничтожаетъ всякую ограниченность. Чтобы придать какой-нибудь правильный смыслъ этому стиху Ломоносова, надобно слово—*безмѣрный*—принять уже въ значеніи—*неизмѣримый*, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ понятіямъ человѣческимъ.

И безднѣ положилъ предѣлъ...

т. е. *безднѣ* водъ. Слово — *бездна* — здѣсь опять употребляется въ значеніи неизмѣримости предмета для человѣка. Во всей этой строфѣ рѣчь идетъ о хаотическомъ состояніи планеты, когда Творецъ только еще отдѣлялъ стихіи отъ стихій. Слово—*пучина*—имѣетъ одинаковое значеніе съ бездною.

Начало пятой строфы всѣ критики признаютъ истинно поэтическойю.

И тяготу земли тряхнуть,
Дабы безбожныхъ съ ней сопхнуть?

Въ этихъ стихахъ, какъ видно, — заключается указаніе на Свящ. исторію о потопѣ, а также о Содомѣ и Гоморѣ.

Стремнинами путей ты разныхъ
Прошелъ ли моря глубину...

На днѣ морскомъ есть свои горы, есть и углубленія, и малыя и большія. Последнія-то и названы здѣсь *стремнинами*.

Отверзлись ли передъ тобою,
Всегдашнюю покрыты тьмою,
Со страхомъ смертныя врата?

Здѣсь рѣчь идетъ объ адѣ. По понятію древнихъ, адъ находился внутри земли, или гдѣ-то на концѣ ея, куда никогда не достигаютъ лучи солнца и гдѣ поэтому господствуетъ вѣчный мракъ. Богъ же могъ бесѣдовать съ Іовомъ не иначе, какъ сообразно съ его понятіями.

Ты стеръ ли адовы уста?..

т. е. могъ ли ты кого-нибудь изъ людей избавить отъ смерти, чтобы онъ избѣжалъ ада, куда обыкновенно поступаютъ всѣ умирающіе?

Концы вселенной колебать...

Подъ вселенной здѣсь разумѣется только одна наша планета. *Концы вселенной* — Богъ опять употребляетъ это выраженіе въ бесѣдѣ съ Іовомъ, приспособляясь къ его понятіямъ. Древніе представляли себѣ землю никакъ не въ видѣ шара, а въ видѣ плоскаго пространства, которое имѣло свои концы, омываемые со всѣхъ сторонъ водою.

Отъ облакъ видитъ онъ высокихъ...

Облакъ — род. пад. множ. числа по славян. склоненію. Слово это въ Славян. языкѣ употребляется въ формѣ имени мужескаго, а не средняго рода, какъ въ современномъ языкѣ.

Воззри въ лѣса на бегемота,
Что Мною сотворенъ съ тобой.

По грамматическимъ правиламъ словорасположенія слѣдуетъ избѣгать сопоставленія одинаковыхъ падежей; но Ломоносовъ нарушилъ здѣсь это правило, и оттого въ рѣчи его вышла двусмысленность. *Мною сотворенъ съ тобой*—можно понять эту фразу и такъ, какъ понималъ ее самъ Ломоносовъ, т. е. что Богъ сотворилъ и бегемота и Юва; но, по грамматической формѣ словъ, ее можно понять и такъ, что Богъ и Ювъ вдвоемъ вмѣстѣ сотворили бегемота. Богъ не указываетъ здѣсь Юву на слона и кита, хотя эти животныя, какъ извѣстно, больше всѣхъ по величинѣ и силѣ,—но указываетъ ему на бегемота и крокодила—потому что съ первыми животными, безъ сомнѣнія, Ювъ не былъ знакомъ, а послѣднихъ онъ могъ хорошо знать. Извѣстно, что Ювъ жилъ въ сѣверной Аравіи, недалеко отъ Нила; а въ этихъ мѣстахъ и нынѣ водится очень много бегемотовъ и крокодиловъ. *Сотрѣть*—славянизмъ, вмѣсто русскаго—*стереть*.

Для крѣпости великихъ силъ... вмѣсто: по причинѣ крѣпости великихъ силъ.

Всѣхъ сильныхъ онъ страшитъ гоня:
Кто можетъ стать противъ Меня?

Здѣсь между двумя мыслями опущена третья посредствующая мысль: онъ всѣхъ страшитъ, никто не можетъ стать противъ него,—а Я творецъ его; такъ кто же можетъ стать противъ Меня?

Создати—глаголь съ славянск. окончаніемъ.

Имѣй свою въ терпѣнныи часть...

Часть—означаетъ здѣсь *участь*, или *назначеніе*.
Считай терпѣніе своимъ назначеніемъ.

Разобранная нами ода есть одна изъ лучшихъ одъ Ломоносова: въ ней много высокихъ мыслей, поразительныхъ картинъ и неподдѣльныхъ глубокихъ чувствъ, — а слѣдовательно много истинной поэзіи. Правда, всѣ эти мысли и чувства заимствованы изъ священной книги Іова; но это ни сколько не унижаетъ достоинства этой оды, какъ произведенія Ломоносова. Надобно же было хорошо понять и оцѣнить всѣ эти мысли и чувства, надобно было писателю глубоко прочувствовать все то, что онъ написалъ; а это вовсе не маловажное дѣло на судъ литературной критики, дѣло не мелкаго, а крупнаго таланта. Въ этомъ случаѣ заимствователь и подражатель перестаетъ уже быть заимствователемъ и подражателемъ, а дѣлается такимъ же самостоятельнымъ творцомъ своего произведенія, какимъ считаемъ мы и того оригинальнаго автора, которому онъ подражаетъ въ основной идеѣ сочиненія. У Жуковскаго очень мало самостоятельныхъ по идеѣ произведеній, и однако-жь мы, нисколько не задумываясь, ставимъ его въ рядъ лучшихъ нашихъ образцовыхъ писателей (о самот. подраж. смотри его разсужд. о баснѣ вообще и басняхъ Крылова). Кромѣ 5-й строфы, о которой мы упомянули выше, какъ на лучшія по картинности мѣста, можно указать еще въ этой одѣ на строфы отъ 7-й до 12-й включительно. Самый языкъ этой оды есть очень легкій и складный языкъ для времени Ломоносова, въ чемъ наглядно можно убѣдиться, сравнивши ее съ любую сатирою Кантемира, или съ какимъ-нибудь стихотвореніемъ Тредьяковскаго. У Ломоносова было три завѣтныхъ, любимыхъ идеи: Богъ, отечество и наука, — и во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ рѣчь его касалась какого-нибудь изъ этихъ предметовъ, онъ является неподдѣльнымъ, и часто глубокимъ поэтомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и языкъ его дѣлается живымъ и картиннымъ.

Разобравши образчикъ оды, мы можемъ составить себѣ общее понятіе о ней. *Одою* называли торжественную хвалебную пѣснь, отличавшуюся особеннымъ пареніемъ чувствъ, которая писалась въ честь какого-нибудь

важнаго событія, или знаменитаго лица. Оды религіознаго содержанія называются еще *гимнами*. Одъ въ формѣ Ломоносовскихъ временъ нынѣ уже не существуетъ въ литературѣ. Еще Державинъ, ближайшій преемникъ Ломоносова, измѣнилъ характеръ Ломоносовской оды, смѣшавши въ ней чувство восторга съ тономъ забавнымъ, допустивши въ ней употребленіе языка простонароднаго, и такимъ образомъ преобразивши ее въ *оду-сатиру*. «Современную оду, говоритъ Галаховъ, всего приличнѣе назвать лирической думой,» каковы напримѣръ, оды у Пушкина: «Наполеонъ, Клеветникамъ Россіи,» у Лермонтова, — «Новоселье,» у Языкова — переложенія псалмовъ, которыя приличнѣе всего назвать — *гимнами*.

Прилагая общее понятіе объ одѣ къ разобранному сочиненію Ломоносова, мы придемъ къ той мысли, что эта торжественная лѣснь прославляетъ непостижимое всемогущество и премудрость Божію, открывающіяся намъ въ видимыхъ твореніяхъ, съ цѣлю — возбудить въ насъ благоговѣніе къ Богу и безусловную покорность волѣ Его во всѣхъ обстоятельствахъ нашей жизни.

К. Говоровъ.